

Планировочные вызовы и пути реализации «инвестиций в человека» в логике народного города: перспектива «познание-выбор-действие»

Авторы

Сунь Кэи, Ван Ичжэ, Ван Синпин, Ху Пань

Аннотация

По мере продвижения строительства народного города городское планирование уже не может ограничиваться логикой «инвестиций в вещи». Через пространственные и институциональные механизмы оно должно эффективнее обеспечивать «инвестиции в человека». Однако в современной планировочной практике этот поворот сталкивается с рядом препятствий. В статье предлагается аналитическая рамка «познание-выбор-действие». На стадии познания городские жители и их потребности развития нередко абстрагируются и усредняются. На стадии выбора отсутствуют ясные правила ранжирования и балансирования ценностей, стоящих за «инвестициями в человека» и «инвестициями в вещи». На стадии действия существующие институты и инструменты территориально-пространственного планирования недостаточно приспособлены для перевода ценностей и целей в реализуемые пространственные меры. Взаимодействие этих трех механизмов сводит человекоцентричное планирование к привычной риторике и ослабляет его практическую силу. В статье предлагаются три направления ответа: в познавательном звене перейти от абстрактного «среднего горожанина» к точной идентификации групп в конкретных контекстах; в звене выбора сформировать правила ценностного приоритизирования, ориентированные на общественное благополучие и справедливость; в звене действия продвинуть согласованную трансформацию системы территориально-пространственного планирования в содержании планов, иерархической передаче целей и механизмах управления, чтобы ценности могли воплощаться в институтах и пространстве.

Ключевые слова

народный город; человекоцентричное планирование; территориально-пространственное планирование; познание-выбор-действие; инвестиции в человека

Введение

Когда урбанизация Китая вступает в фазу стабильного развития, меняются и стадийные характеристики городского роста [1]. Прежняя модель «инвестиций в вещи», представленная крупномасштабным строительством инфраструктуры и зон развития, уже не способна в полной мере отвечать растущему запросу населения на лучшую жизнь. Центр городской политики сместился от расширения масштаба к повышению качества и эффективности [2]. Понятие народного города возникло именно в этой исторической точке: оно выражает пространственное измерение и управленческие требования главного социального противоречия новой эпохи [3]. На Центральных совещаниях по городской работе в 2015 г. было подчеркнуто, что «города народа строятся народом и для народа» [4], а в 2025 г. поставлена задача трансформации концепций городского развития с большим вниманием к человеку [5]. Тем самым верхнеуровневый институциональный дизайн последовательно продвигает переход планировочного мышления от «инвестиций в вещи» к «инвестициям в человека».

Хотя ценностные установки народного города вошли в дискурс планов социально-экономического развития и территориально-пространственного планирования разных уровней, они часто остаются общими идеями или фоновыми принципами. На практике они нередко превращаются в лозунги [6], тогда как дисбаланс размещения общественных услуг [7-8], пространственное несовпадение мест работы и проживания [9], транспортные заторы [10] и другие проблемы сохраняются. Отсюда возникает главный вопрос: почему действующая планировочная система испытывает трудности с реализацией человекоцентричных принципов в логике народного города и как планирование может реально нести требование новой эпохи об «инвестициях в человека»? Ответ требует не критики отдельных явлений, а целостной аналитической рамки.

Существующие исследования народного или человекоцентричного городского планирования можно условно разделить на три направления. Первое развивает концептуальное обоснование: оно рассматривает человекоцентричность как философию планирования и этическую норму [11], призывает перейти от инструментальной рациональности, ориентированной на рост и эффективность, к гуманистической парадигме, учитывающей равенство, справедливость и повседневную жизнь [12], и применяет этот взгляд к обновлению улиц, парков и зеленых пространств [13-14]. Второе направление связано с оценкой планирования: оно измеряет, насколько существующая городская застройка достигает человекоцентричных целей [15-16], формируя показатели реализации территориально-пространственных планов через здоровье города [17], пространственные выгоды [18], общественную удовлетворенность [19] и другие параметры. Третье направление фокусируется на познании субъекта планирования: оно переносит внимание на начальные стадии практики и углубляет понимание «людей» через опросы [20-21], наблюдение пространственно-временного поведения [22], данные мобильной связи [23], социальные медиа [24] и другие источники, повышая точность распознавания характеристик населения, поведения и конкретных потребностей.

Эти исследования важны, но три направления остаются относительно разобщенными. Концептуальные работы поясняют, к чему следует стремиться, но не раскрывают путь от реального состояния к нормативным целям. Оценочные исследования диагностируют разрыв между результатами планирования и человекоцентричными задачами, но слабо объясняют глубинные механизмы неисполнения. Работы о познании субъекта выявляют потребности людей, но не отвечают, как это знание взвешивается и принимается в ценностно нагруженных решениях. Поэтому настоящая статья сначала уточняет значения человекоцентричности, народного города и инвестиций в человека, затем строит рамку «познание-выбор-действие» для анализа механизмов, препятствующих инвестициям в человека, и наконец предлагает практические пути реализации концепции народного города.

1 Теоретические основания и аналитическая рамка

1.1 Понятийное содержание народного города

Для понимания трудностей строительства народного города необходимо определить значения «човекоцентричности», «народного города» и «инвестиций в человека», а также их взаимосвязь.

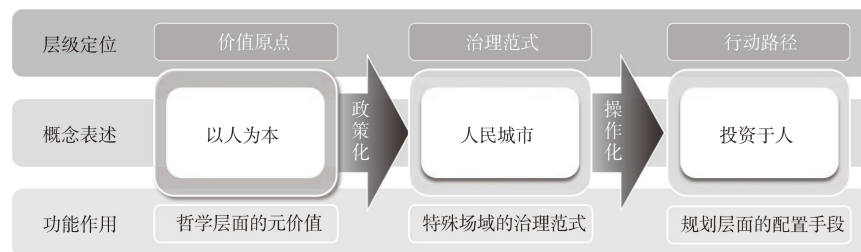

Рисунок 1. Понятийный анализ концепции народного города

В китайском планировочном контексте ориентация на народ, или человекоцентричность, существует как высокоабстрактная и универсальная ценность. Это метаченность городского развития. С позиции исторического материализма человекоцентричность рассматривает развитие человека в историческом контексте социальных отношений и способов производства [25]. Она признает человека фундаментальной целью, конечной мерой и ядром всякой социальной деятельности и развития, тем самым критикуя и преодолевая отчужденные ориентации на вещи, капитал или технологии [26].

Народный город является институциональным и политическим выражением этой метаченности в городском пространстве. Как парадигма городского управления в условиях китайской модернизации, народный город имеет отчетливые политико-институциональные и идеологические черты [27]. Его строительство подчеркивает развитие ради народа и силами народа, связывает городское управление с задачами китайской модернизации и стремится отвечать на проблемы человеческого отчуждения и маргинализации уязвимых групп, возникшие в западной модернизации, движимой капиталом [28].

«Инвестиции в человека» являются конкретным путем действия, через который человекоцентричная метаченность и управленческая парадигма народного города обретают практическую форму. Наряду с «инвестициями в вещи» они составляют две базовые ориентации распределения ресурсов. Со стороны предложения инвестиции, направленные прежде всего на формирование физического капитала и накопление средств производства, относятся к «инвестициям в вещи». «Инвестиции в человека» имеют два типа. Первый напрямую вкладывается в развитие человеческих способностей, здоровья, образования и возможностей. Второй направлен на объекты и пространства, поддерживающие развитие человека: жилье, образование, здравоохранение, транспорт, общественные пространства, а также институциональную среду, в которой эти способности и формы благополучия реализуются. В планировании ключевым является второй тип, требующий перехода от логики «искать людей для вещей» к логике «распределять вещи для людей».

1.2 От «познания-эмоции-действия» к рамке «познание-выбор-действие»

Предлагаемая аналитическая рамка восходит к классической модели «познание-аффект-поведение» в психологии и поведенческих науках [29]. Эта модель раскрывает общую логику решений с высокой степенью вовлеченности: познание и понимание объекта вызывают эмоциональную реакцию, которая затем ведет к языку и действию, выражающим установку [30]. Такая цепочка близка процессу территориально-пространственного планирования, основанному на познании информации, ценностном суждении и реализации плана. Перенос этой логики в планирование помогает поместить проблему «инвестиций в человека» в процессуальную рамку.

Однако территориально-пространственное планирование не является сугубо индивидуальным поведением планировщиков и управленцев. Это коллективный и институциональный процесс публичного решения. Поэтому теоретическая модель должна перейти от объяснения индивидуального поведения к объяснению публичного выбора. Эмоциональное звено исходной модели преобразуется здесь в стадию «выбора», объединяющую рациональное суждение и ценностно-эмоциональную ориентацию в контексте публичного решения. Так формируется рамка «познание-выбор-действие».

Познание является исходной точкой человекоцентричного планирования. Оно включает сбор и обработку объективных элементов, таких как пространственные данные о земле и институциональные правила, а также понимание характеристик, потребностей, эмоциональных предпочтений и поведения разных групп жителей города [31]. Выбор является центральным звеном. Планировщики и лица, принимающие решения, неизбежно привносят профессиональную эмпатию и опытную интуицию, но их действия ограничены публичной рациональностью, нормами, политиками и законными процедурами. Индивидуальные эмоции поэтому включаются в публичное решение как внутренняя сила, поддерживающая рациональное суждение. В условиях множества акторов, ценностей и дефицитных ресурсов планировщики распределяют ограниченные ресурсы на основе ценностного выбора и выстраивают приоритеты целей и пространственных ресурсов. Действие представляет конечное звено планирования: через участие общественности, проектные схемы, политику, управление реализацией и оценку познание и выбор переводятся в конкретные пространственные формы и социальные эффекты.

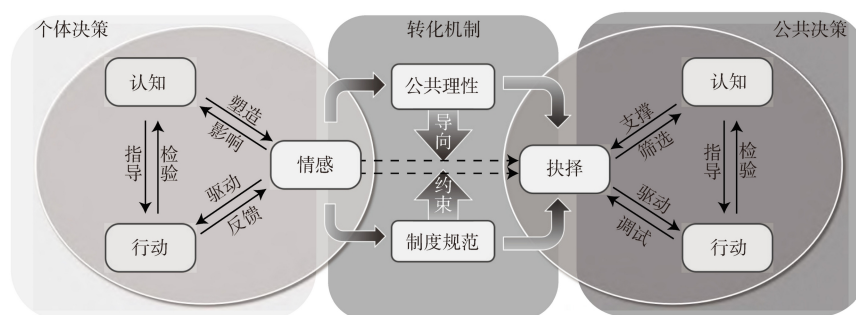

Рисунок 2. Теоретический переход от «познания-эмоции-действия» к «познанию-выбору-действию»

2 Планировочные дилеммы «инвестиций в человека» в рамке «познание-выбор-действие»

Рамка «познание-выбор-действие» рассматривает планировочную практику как непрерывную цепочку решений. В идеале планирование должно полно понимать потребности жителей города, принимать решения, согласованные с человекоцентричными ценностями, и передавать их в пространство через инструменты территориально-пространственного планирования. На практике каждое звено этой цепи содержит искажения, из-за которых концепция народного города трудно реализуется.

2.1 Стадия познания: недостаточное понимание реальных характеристик и потребностей людей

Упрощение и абстрагирование людей является базовой причиной слабой реализуемости народного города. «Реальные люди» - это люди, «занятые определенной практической деятельностью, находящиеся в определенных социальных отношениях и конкретных жизненных

мирах»; они являются «совокупностью общественных отношений» [32]. Один и тот же человек обычно несет несколько социальных идентичностей и характеристик, укорененных в отношениях, местной культуре и историческом контексте. Предпочтения и ценности меняются со временем, опытом и средой [33]. Мотивы включают не только базовые интересы, но и принадлежность, признание, равенство, справедливость, красоту и смысл. Их нельзя извлекать и анализировать как изолированные точки данных. Например, молодая женщина-мигрантка одновременно является молодой, новой горожанкой и представительницей низкодоходной группы. Со временем меняются ее жилье, работа, семейная структура, а также восприятия и требования к доступности, удобству, безопасности и качеству среды в одном и том же месте [34]. Эти различия усиливаются через коллективные предпочтения и социальные сети, создавая обратное влияние на пространственные модели.

В существующем планировании сложные, социально связанные и активные люди часто упрощаются до атомизированных, вычислимых «точек данных». Их потребности представляют стандартизированные показатели: зеленая площадь на душу населения, площадь земли на человека, количество безбарьерных объектов. Перевод абстрактных целей в количественные индикаторы помогает гарантировать минимальное предложение общественных услуг, повышает эффективность распределения ресурсов в период крупномасштабного строительства и дает проверяемое основание для публичных решений. Однако в эпоху обновления существующей городской ткани противоречие между спросом на качественные объекты и жизнь и дефицитом земельных ресурсов усилилось. Когда содержание инвестиций в человека превращается в самоцель системы индикаторов, а не в средство служения людям, возникают отрицательные эффекты. С одной стороны, индикаторы эпохи быстрой урбанизации плохо приспособлены к земельному дефициту периода обновления; механическое соблюдение жестких норм может упустить возможности качественного улучшения [35]. С другой стороны, агрегированные индикаторы доступности, мощности и баланса спроса и предложения скрывают структурные различия между группами по времени, цене и повседневной пригодности, что ведет к потере комфорта и жизненного опыта. Используя большие данные, транспортные модели и прогнозы населения, планировщики и управленцы нередко трактуют людей как пассивно и предсказуемо реагирующие машины. Поэтому действующие системы индикаторов демонстрируют де-контекстуализацию, де-реляционализацию и де-темпорализацию, уходя от исходной цели человекоцентричного планирования.

2.2 Стадия выбора: дисбаланс ценностного порядка «инвестиций в человека» при множестве целей

Стадия выбора соединяет познание с действием. Планировочные решения не существуют в вакууме: на них влияют фискальные стимулы, оценка эффективности и ограничения системы управления [36]. Когда планировщики и лица, принимающие решения, сталкиваются с различными требованиями развития, им часто недостает ясного основания для взвешивания человекоцентричных целей относительно экономического роста, эффективности и других задач. Поэтому человекоцентричность маргинализируется в системе планировочных ценностей и попадает в дилемму ценностного беспорядка.

Закон КНР о национальном планировании развития закрепляет систему, в которой национальное планирование развития играет стратегически ведущую роль, а территориально-пространственное

планирование служит основой [37]. Однако внутренняя связь между человекоцентричным развитием и различными планировочными целями остается неясной. Территориально-пространственное планирование ориентируется на экологический приоритет и зеленое развитие и через три контрольные линии фиксирует нижний предел пространственной безопасности, обеспечивая базовую гарантию человеческого благополучия [12]. Но внутри границ городского развития необходимо согласовывать экономику, научно-технологические инновации, экологию, социальное обеспечение и безопасность. С одной стороны, благополучие всех людей является конечной целью экономического и инновационного развития, а качественные человеческие ресурсы - основой инноваций и роста; эти цели взаимосвязаны. С другой стороны, при ограниченности пространства, времени и ресурсов они вступают в прямую конкуренцию. Если решение одномерно преследует краткосрочный рост и земельно-финансовые доходы, оно неизбежно повышает стоимость жилья, вытесняет общественные пространства и земли для социальных объектов, ослабляя благополучие людей и долгосрочную привлекательность города. Существующие институты не располагают правилами, которые системно декомпозируют человекоцентричные ценностные цели и закрепляют за ними приоритет. В результате планировочные средства, прямо связанные с «инвестициями в человека», ослабляются при реализации. Городское планирование долго оставалось практикой, ориентированной на вещи: оно распределяло и проектировало землю и связанные пространственные ресурсы через участки, показатели и объекты. Хотя «инвестиции в вещи» и «инвестиции в человека» проявляются в планировании как распределение материального пространства, дефицитные ресурсы чаще склоняются к «вещам». Инвестиции в вещи соответствуют потребности местных властей в росте экономического объема, доходах от передачи земли и видимой результативности. Они обслуживают количественные краткосрочные цели роста и эффективности. Поэтому местные органы власти, владеющие полномочиями распределения пространственных ресурсов, естественно предпочитают инвестиции в вещи. Производственные пространства получают приоритет ради накопления и увеличения капитала, тогда как вопросы, непосредственно связанные с инвестициями в человека, сжимаются или откладываются. Координация между индикаторами, системами и факторами планов развития и территориально-пространственных планов остается недостаточной.

Таблица 1. Соответствие целей, сфер и индикаторов планирования в логике «искать людей для вещей»

Логика инвестиций	Основная цель	Сферы планирования, примеры	Индикаторы планов развития	Индикаторы территориально-пространственного планирования
Инвестиции в вещи / базовая платформа для инвестиций в человека	Нижние пределы выживания и развития	Энергетическая, экологическая и продовольственная безопасность: защита от	Производственная способность по зерну и энергии; доля водных объектов	Площадь аварийных убежищ на душу; площадь красной линии

		наводнений, сейсмостойкость, гражданская оборона, энергетические резервы, охрана пашни и постоянных базовых сельхозземель	хорошего качества	экологической охраны; локальное поглощение осадков; сохранение базовых сельхозземель и пашни
Инвестиции в вещи	Экономический выпуск и капитализация	Индустриальные парки, штаб-квартиры, CBD, научно-инновационные коридоры, логистические парки, зоны развития	Рост ВВП; производительность труда; уровень урбанизации; рост располагаемого дохода на душу; обследуемая городская безработица	Общая площадь строительных земель; городские и сельские строительные земли; постоянное население и урбанизация; городские строительные земли на душу; потребление воды и земли на единицу ВВП
Инвестиции в вещи	Эффективность обращения и производственные связи	Скоростные дороги, магистрали, узлы, железные дороги, аэропорты, порты, грузовые коридоры	Плотность дорожной сети; покрытие 800 м вокруг железнодорожных станций; население в пределах одного часа агломерации	Земли транспорта и коммуникаций, транспортные коридоры и узлы, объекты общественного транспорта
Инвестиции в вещи и человека	Производство знаний и развитие	НИИ, университеты, цифровая	Расходы на НИОКР к ВВП; патенты высокой	Пространственная поддержка инноваций и

	тантов	инфраструктура, дата-центры, вычислительные мощности, инкубаторы, службы занятости	ценности; добавленная стоимость цифровой экономики к ВВП	тантов: земли науки, образования и инновационных платформ
Инвестиции в человека	Качество человеческого капитала, здоровье, удобство и справедливость повседневной жизни, культурная и духовная жизнь	Школы, молодежные центры, профшколы, университеты для пожилых; больницы, уход за пожилыми, санитария, питьевая вода, парки и снижение перегрева; доступное жилье, станции обслуживания пожилых, детский уход, повседневная торговля, общественные центры; библиотеки, музеи, театры, исторические кварталы	Охват уходом за детьми до 3 лет; средняя продолжительность образования; медицинский персонал и ожидаемая продолжительность жизни; жилье на душу и время поездки	15-минутная доступность образования, ухода за пожилыми, здравоохранения, спорта и культуры; койки для пожилых; зеленые зоны, площади, парки и спортивные земли; охрана наследия

2.3 Стадия действия: недостаточная поддержка инструментов реализации планирования

Планировочный выбор завершается реализацией. Сможет ли ценность инвестиций в человека стать реальным пространственным результатом, зависит от инструментов планирования и системы исполнения. Планирование не только отвечает на спрос, но и создает его, длительно формируя повседневный образ жизни. Функциональные пространства, создаваемые планированием, обладают устойчивостью и инерционностью, оказывая долгосрочное влияние на пространственную и экономическую структуру города [38]. Одновременно меняются образ жизни,

труд и ценности; старение, низкая рождаемость и поздние браки заново формируют пространственный спрос [39]. Следовательно, планирование должно балансировать определенность пространственного строительства и динамичность человеческих потребностей.

Действующая система территориально-пространственного планирования все еще склонна к статичной модели чертежа. Она опирается на жесткие границы, контроль землепользования и интенсивности застройки, хорошо выполняя функции нижних ограничений и предотвращения рисков, но слабо формирует качественную повседневную жизнь. Человекоориентированное содержание часто выражено в виде общих руководящих формулировок, качественных целей или вспомогательных требований; оно не имеет единых метрик и четкой пространственной локализации, поэтому ослабевает при передаче от генерального к детальному плану и реализации. На уровне детального планирования цели «инвестиций в человека» могут сводиться к общим текстам и не превращаться в обязательные условия развития или проверяемые правила согласования.

Кроме того, механизмы общественного участия недостаточно поддерживают человекоцентричное действие. На макроуровне доминирует вертикальная логика, участие обычно включается после подготовки плана и ограничивается консультациями или сбором мнений, а реальные инструменты влияния ограничены [40-41]. На микроуровне, особенно в городском обновлении, формы участия разнообразнее, но часто остаются технической декомпозицией требований вышестоящих планов или фрагментарным ответом на отдельные проблемы. Местное знание, повседневный опыт и эмоциональные запросы разных групп трудно включаются в планировочное суждение и пространственное решение по существу. Поэтому ценность «инвестиций в человека» на стадии действия легко ослабевает и прерывается, даже если она присутствует в риторике и целях.

3 Планировочные пути «инвестиций в человека» в логике народного города

3.1 Формирование познавательного пути планирования, ориентированного на местное население

Следует перестроить модель планировочного познания от абстрактного «среднего горожанина» к «ситуированным индивидам». Это означает, что планирование должно рассматривать людей не как однородные статистические единицы, а как индивидов и группы, включенные в социальные отношения, пространства и жизненные практики. Человека необходимо понимать через взаимодействие индивида, группы, пространства и общества, учитывая жизненный курс, социально-экономическое положение, регистрацию домохозяйства, семейную структуру, трудовой режим и другие сложные характеристики.

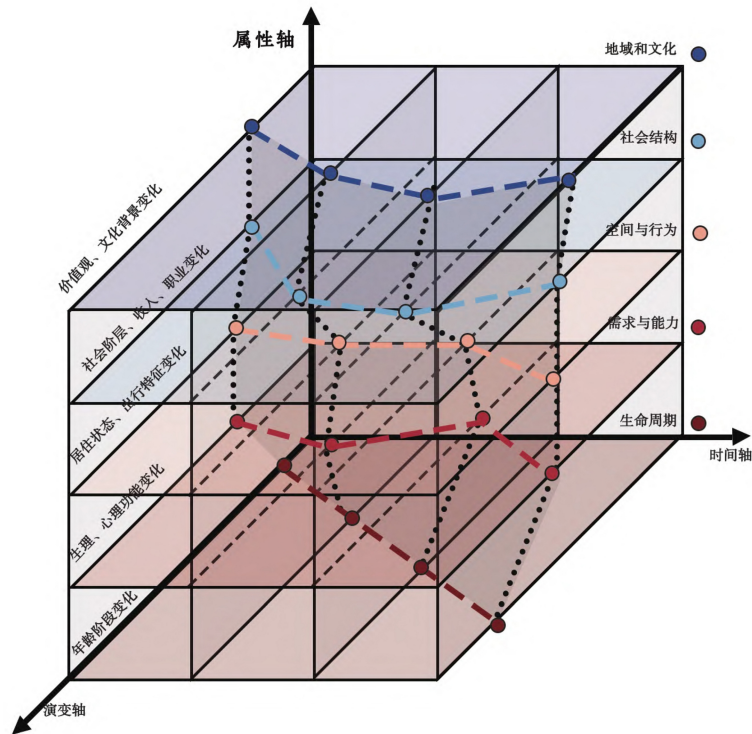

Рисунок 3. Матрица многомерной эволюции жизненного курса «ситуированных индивидов»

На масштабе всей территории можно использовать социальные медиа, мобильные сигналы, POI, LBS и GIS, чтобы картировать пространственно-временное поведение населения, выявлять кластеры поездок, зоны дефицита услуг и концентрации уязвимых групп. Однако большие данные сами по себе не раскрывают смыслы повседневных действий. После макрораспознавания необходимо переходить к средним и малым сценическим единицам, используя этнографию, интервью, участвующее наблюдение и другие методы для понимания опыта, предпочтений и напряжений людей в конкретных пространствах.

Познание местного населения можно организовать по трем измерениям. Первое - многомерные характеристики населения: этап жизненного курса, доход, профессия, регистрация, семейное положение, физические возможности и др. Второе - типы активностных сцен: поездки и занятость, школа и уход за детьми, медицина и уход за пожилыми, повседневная жизнь, досуг и перемещения, с уточнением цепочек «где-когда-как». Третье - восприятия, эмоции и требования, связанные со сценами: удовлетворенность, тревога, безопасность, принадлежность, признание и ожидания справедливости. Такая структура помогает ответить, в кого инвестировать, в какие аспекты жизни и в каком пространстве.

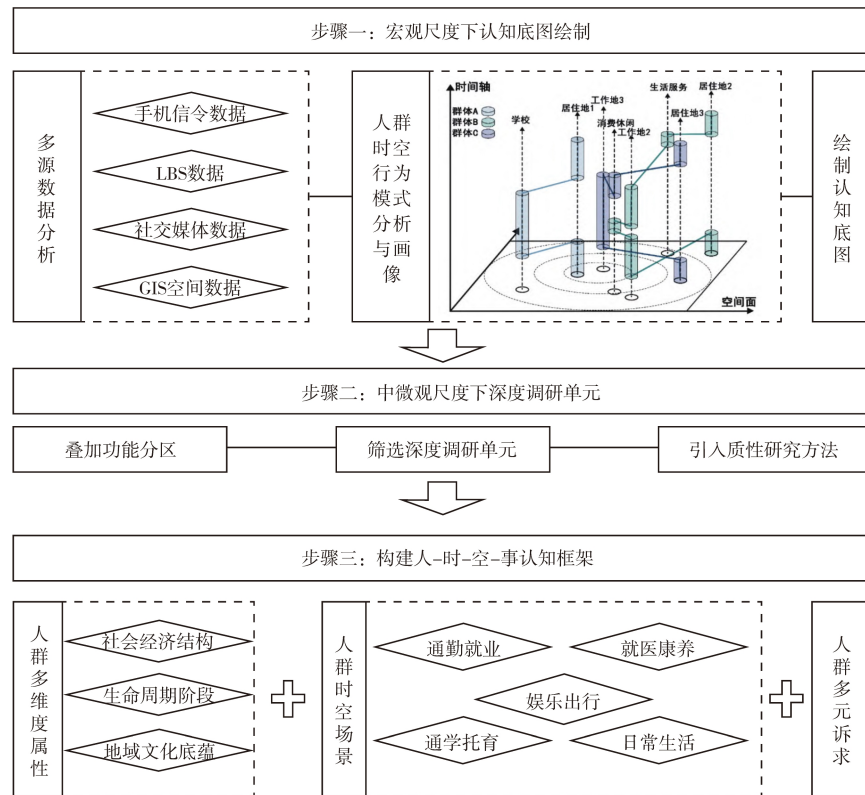

Рисунок 4. Шаги планировочного познания, ориентированного на местное население

3.2 Уточнение пути выбора для ценностного порядка «инвестиций в человека»

Прежде всего необходимо перестроить системы целей, индикаторов и оценки в социально-экономическом и территориально-пространственном планировании. С одной стороны, показатели жизненного обеспечения и благополучия следует сделать более комплексными и строить вокруг фактических восприятий жителей и справедливости результатов, например доступности жилья и равенства возможностей уязвимых групп. Тогда инвестиции в человека получают явные целевые опоры. С другой стороны, требуется усилить координацию между индикаторами планов развития и территориально-пространственных планов. Стратегические цели по благополучию должны точно переводиться в показатели распределения пространственных ресурсов и ограничения размещения в генеральных территориально-пространственных планах, чтобы избежать слабой взаимной проверки и разрыва между индикаторами.

Во-вторых, следует прояснить систему ценностей и путь решения при конфликтах приоритетов. Статья предлагает считать повышение благополучия всех людей конечной целью и следовать принципам нижнего предела, приоритета цели и подчиненности инструментов. Необходимо выстроить иерархию целей: нижние пределы выживания, инструментальные драйверы развития и прямые человекоцентричные цели. Экологическая, природоохранная и общественная безопасность являются жесткими нижними пределами высшего приоритета. Все вопросы, затрагивающие такие пороги, должны подлежать вето или обязательным альтернативам, а любые изменения - специальной проверке. В пространственном планировании внутри границ городского развития следует ввести оценку инвестиций в человека. Воздействие планировочных схем на

общественные выгоды нужно оценивать на ранней стадии разработки, чтобы согласовывать конфликты между ростовыми требованиями, такими как земельные доходы и инвестиционная интенсивность, и повышением общественного благополучия [42].

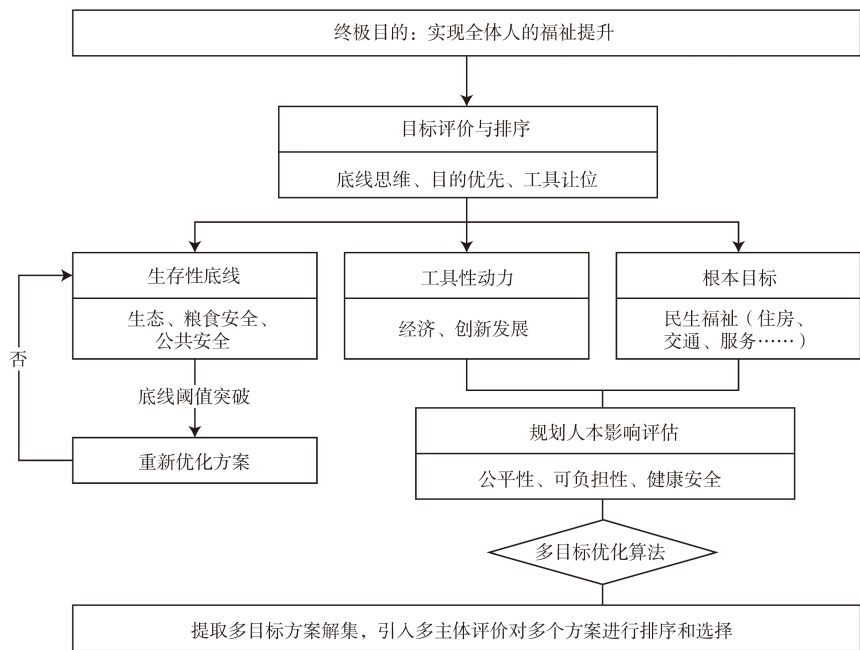

Рисунок 5. Путь принятия решений для приоритизации человекоцентричных ценностей

Наконец, инвестиции в человека должны получить приоритет в структуре стимулов, чтобы планирование переходило от традиционной логики роста, основанной на инвестициях в вещи, к современной логике управления, сосредоточенной на человеке. Улучшение комплексных индексов человеческого развития можно включить в оценку работы местных руководителей и связать с ключевыми административными и ресурсными инструментами, например трансфертами и квотами строительных земель. Одновременно следует рационально направлять рыночный импульс роста. Через институциональный дизайн прирост стоимости, создаваемый инвестициями в вещи, может превращаться в устойчивые вложения, поддерживающие различные цели инвестиций в человека. Шэньчжэнь, Шанхай, Гуанчжоу и другие города уже изучают стимулы, представленные бонусами коэффициента застройки. Обменивая пространство на общественные выгоды и качество, такие институты направляют стремление девелоперов к прибыли на предоставление дефицитных общественных объектов, включая доступное жилье и образование [43], а также на повышение пространственного качества и создание сцен в городском обновлении.

Таблица 2. Бонусы коэффициента застройки и сопоставимые стимулы в отдельных китайских городах: взгляд через «инвестиции в человека»

Город	Источник политики	Форма стимула	Сфера применения	Ориентация на инвестиции в человека
Шэньчжэнь	Правила проверки	Дополнительная площадь	Политическое жилье,	Жилье, общественные

	коэффициента застройки для единиц городского обновления с демонтажем и реконструкцией, 2019	застройки	общественное арендное жилье, жилье для талантов, инновационное промышленное жилье; сопутствующие общественные, транспортные и коммунальные объекты; общественные наземные и подземные проходы, эстакадные коридоры; соответствующие исторические здания	услуги и общественное пространство
Шанхай	Детальные правила планировочно-земельной реализации городского обновления, пробные, 2022	Стимулирующие положения	Открытые общественные пространства; объекты общественных услуг; транспортные и коммунальные объекты	Общественные услуги и общественное пространство
Гуанчжоу	Правила стимулирования коэффициента застройки для сверхнизкоэнергетических, почти нулевых и нулевых энергетических зданий, 2024;	Бонус площади застройки	Соответствующие сверхнизкоэнергетические, почти нулевые и нулевые энергетические здания; сборные и зеленые здания требуемых классов	Зеленая экология и качество жилья

	правила для сборных и модульных зданий, 2024			
Ханчжоу	Руководящие мнения о стабильном продвижении пилотного автономного обновления старых городских жилых районов, пробные, 2024	Зачет строительных затрат	Участки старых жилых районов, перестраиваемые на месте; новые жилье и сервисные объекты, передаваемые государству как доступное жилье или общественные услуги	Жилье, общественные услуги и общественное пространство
Чэнду	Планировочные меры поддержки усиления управления коэффициентом застройки и органического городского обновления в зоне «центральной оптимизации», 2020	Оптимизация расчета коэффициента	Первые этажи на опорах, используемые для озеленения, парковки, проходов и общественной активности, не включаются в коэффициент; общественные коридоры через городское общественное пространство также не включаются	Общественное пространство

3.3 Совершенствование путей реализации планирования, поддерживающих «инвестиции в человека»

Необходимо выстроить вертикальный механизм передачи от генерального территориально-пространственного плана к детальному планированию вокруг цели инвестиций в человека. На уровне генерального плана следует подчеркнуть декомпозицию таких целей. На основе существующего зонирования второго уровня по доминирующей функции можно уточнять

различные управленческие намерения функциональных зон через наложение «зон видения», несущих планировочные цели [44]. Классификация и наложение управленческих намерений позволяют одной и той же функциональной зоне выполнять разные человекоцентричные функции и цели управления, направляя последующее распределение пространственных ресурсов.

На уровне детального планирования эти намерения должны переводиться в положения и условия развития, которые можно проверять, разрешать и принимать. В соответствии с реальными управленческими потребностями могут формироваться системы индикаторов, охватывающие землепользование и использование зданий, показатели развития, контроль формы, открытое пространство, парковку и транспортную организацию. Так человекоцентричные требования включаются во всю цепочку от целей к индикаторам и пространственной реализации, обеспечивая эффективную передачу [45]. Помимо индикаторов, планирование должно изучать человекоцентричное создание сцен. Через элементы сцены - время, пространство, объект, проблему, путь и ценность - человеческие потребности могут переводиться в воспринимаемые и проверяемые пространственные переживания и сервисные процессы [46].

Наконец, механизмы общественного участия следует связать с более ранней стадией познания. Поскольку познание местного населения предварительно выявляет заинтересованные стороны и их дифференцированные потребности, участие должно выходить за рамки общей консультации. Представительные группы должны включаться в планировочные переговоры и демонстрацию схем, чтобы местное знание, повседневный опыт и групповые требования входили в решения [47]. Особое внимание следует уделять защите пространственных потребностей уязвимых групп - пожилых людей, людей с инвалидностью, детей и низкодоходных жителей, чтобы распределение ресурсов не смещалось к группам с более сильной способностью выражения или организацией [48]. В постреализационную оценку следует включать опыт пользователей. Сочетание объективных количественных индикаторов и субъективных восприятий позволит выявлять разрыв между предложением планировочного управления и ощущаемым спросом, создавая основу для последующей корректировки и динамической калибровки [49].

4 Выводы и обсуждение

Чтобы точно выявить и описать практические дилеммы «инвестиций в человека» в действующей системе территориально-пространственного планирования при концепции народного города, статья строит аналитический инструмент «познание-выбор-действие» и расширяет человекоцентричную исследовательскую рамку территориально-пространственного планирования. Дилемма реализации инвестиций в человека проистекает из неясного и искаженного понимания людей на познавательном уровне, что затем вызывает беспорядок ценностного суждения и, в конце концов, недостаточный ответ в подготовке и реализации планов. На этой основе предложены пути улучшения. В познании планирование должно обращаться к глубокому пониманию людей в реальных контекстах. В выборе оно должно применять ценностное упорядочение, основанное на нижних пределах, приоритете цели и подчиненности средств. В действии необходимо строить модель трансформации территориально-пространственного планирования, ориентированную на передачу цели инвестиций в человека.

Статья раскрывает дилеммы строительства народного города, но это лишь начало. Дальнейшие исследования должны развивать тему в нескольких направлениях. Во-первых, поскольку статья сосредоточена на теоретическом построении и анализе механизмов, будущие работы должны

проверять, уточнять и совершенствовать рамку на конкретных планировочных кейсах в разных регионах и на разных уровнях, используя смешанные качественные и количественные методы. Во-вторых, следует углубить анализ сложных взаимодействий между людьми и пространством в системе территориально-пространственного планирования. В-третьих, необходимо уделять внимание согласованию планирования, пространства и институтов, а также трансформации моделей управления. Как превратить традиционное, технологически ведомое планирование в более открытую, инклюзивную и обучающуюся систему совместного управления? Как преодолеть институциональные препятствия в вертикальных межправительственных отношениях и горизонтальной координации ведомств? Более глубокая трансформация городского пространственного управления требует дальнейших исследований.

Переход от инвестиций в вещи к инвестициям в человека в логике народного города затрагивает философию городского развития, управленческую логику и отношения власти. Только так можно обеспечить согласованную работу ценностей, институтов и пространства, превращая народный город из планировочной идеи в проверяемую, воспроизводимую и устойчивую практику.

Благодарность: авторы искренне благодарят анонимных рецензентов за ценные замечания.

Список литературы

- [1] У Чжицян, Ван Гуанътао, Ян Баоцзюнь и др. «Поддержка китайской модернизации через города: пути и миссии»: академический симпозиум. Форум городского планирования, 2025(3): 1-8.
- [2] Сунь Иминь, Сыма Сяо, Дэн Дун и др. «Проектирование города, ориентированного на людей: инновационные практики и размышления»: академический симпозиум. Форум городского планирования, 2023(3): 1-11.
- [3] Чжу Вэй, Чэнь Пэн. Теоретические импликации и практическая ориентация концепции народного города. Исследования социализма, 2025(6): 90-97.
- [4] Институт истории партии и литературы ЦК КПК. Выдержки из высказываний Си Цзиньпина о городской работе. Пекин: Центральное издательство партийной литературы, 2023.
- [5] Сайт правительства Китая. Центральное совещание по городской работе состоялось в Пекине; Си Цзиньпин выступил с важной речью. (2025-07-15) [2025-10-21].
https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202507/content_7032083.htm.
- [6] Чжоу Сянькунь. Как концепция планирования, ориентированного на народ, выхолащивается. Обзор городского планирования, 2014, 38(12): 59-64.
- [7] Хуан Минхуа, Лу Жэньвэй, Ван Исун и др. Дискуссия о «жизненном круге»: размещение объектов в жизненных кругах на основе человекоориентированной концепции. Планировщики, 2020, 36(22): 79-85.
- [8] Гао Пэнфэй, Су Чжэньюй, Бань Пэнфэй. Реконструкция стандартов деления жизненных кругов нового типа в малых городах: случай Пуэра, Юньнань. Развитие малых городов и поселков, 2023, 41(4): 84-94.
- [9] Сюй Мяо, Чэнь Жуй, Ян Бибо. Предварительное исследование пространственного несовпадения работы и жилья в неформальной занятости крупных городов Китая и его планировочных вопросов. Международное городское планирование, 2019, 34(2): 31-39.

- [10] Ян Цзюньян, Хэ Гофэн, Чэнь Дайцзюнь и др. Анализ цифрового портрета населения в зонах городских заторов и ответы пространственного планирования. Планировщики, 2021, 37(19): 26-34.
- [11] Юй Тао, Чжан Цзинсян, Ло Сяолун и др. Динамика городского развития и инновации управления с человекоцентричной перспективы: эмпирическое исследование в Нанкине. Обзор городского планирования, 2018, 42(3): 50-58.
- [12] Ван Цзявэнь, Е Юйминь, Дун Кэ. От приоритета эффективности к человекоцентричности: размышления о ценностной ориентации территориально-пространственного планирования на основе теории города и человека. Форум городского планирования, 2020(6): 19-26.
- [13] Ши Цзяхун, Яо Сюли. Практика и размышления об обновлении городских уличных пространств в логике народного города: человекоцентричное планирование и строительство улиц в Сучжоу. Обзор городского планирования, 2024, 48(10): 83-89.
- [14] Чжан Жун. Стратегии планирования парковых систем в логике народного города: случай Сямэня. Урбанизм и архитектура, 2025, 22(15): 228-232.
- [15] Ли Юань, Ван Чжифэн, Чжао Шоулян и др. Оценка человекоцентричного планирования: метод S-CAD и его применение в логике теории города и человека. Обзор городского планирования, 2022, 46(12): 35-44.
- [16] Лю Мань, Ван Гоэнь. Рамка и система оценки реализации городских генеральных планов в человекоориентированной концепции. Планировщики, 2019, 35(20): 26-31.
- [17] Сяо Янмоу, Се Бо, Чэнь Юйцзе. Логика и стратегии оптимизации городского медицинского обследования с человекоцентричной перспективы. Планировщики, 2022, 38(3): 28-34.
- [18] Кэ Цзэхуа, Вэй Вэй, Ся Цзюньнань и др. Метод оценки городских пространственных выгод с человекоцентричной перспективы: случай Цюаньчжоу. Земельная наука Китая, 2024, 38(12): 79-92.
- [19] Кэ Цзэхуа, Чжао Лан, Инь Ли и др. Оценка удовлетворенности жилой средой и механизмов влияния в промышленных сообществах Уханя с человекоцентричной перспективы. Журнал геоматики, 2025, 50(5): 123-132.
- [20] Лю Юэ, У Кан, Ху Юйтин и др. Тонкое управление объектами общественных услуг на основе потребностей типичных групп населения: 15-минутный круг общественных услуг в районе Хуэйтянь, Пекин. Шанхайский обзор городского планирования, 2023(6): 98-104.
- [21] Ху Пань, Вэй Цзясин, Ван Синпин. Пространственный выбор мест занятости, проживания и услуг жителями городских периферий: эмпирический анализ высокотехнологичной зоны Цяобэй в Нанкине. Журнал Даляньского технологического университета, социальные науки, 2017, 38(4): 126-133.
- [22] Чжао Ифань, Чжан Сюньи, Чжан Юаньмин и др. Стратегии точного общественного планирования на основе портретов пространственно-временного поведения населения: случай сообщества Юэцзянлоу в Нанкине. Планировщики, 2022, 38(9): 108-116.
- [23] Ян Цзюньян, Чжан Сюнь, Ши И. Формирование цифровых портретов городского населения с человекоцентричной перспективы: теория и методы. Обзор городского планирования, 2025, 49(1): 36-47.

- [24] Чжоу Янь, Ли Яньси, Хуан Юэин и др. Классификация городского населения и характеристики активности на основе данных социальных медиа. Журнал геоинформационной науки, 2017, 19(9): 1238-1244.
- [25] Хуан Минди. «Человекоцентричность»: интерпретации Маркса и западного гуманизма и содержание научной концепции развития, ориентированной на человека. Журнал Наньчанского университета, гуманитарные и социальные науки, 2005(3): 12-15.
- [26] Чжан Куйлян. Философский смысл «человекоцентричности». Философские исследования, 2004(5): 11-16.
- [27] У Сунтао, Ван Цзинъюань. Практика планирования новых городов и социальные эффекты в рамках шведской концепции «народного дома». Форум городского планирования, 2023(5): 110-118.
- [28] Ван Синпин. Идея развития, ориентированного на народ, и практика реформы планирования. Современные городские исследования, 2022(5): 1-7.
- [29] Rosenberg M. J., Hovland C. I. Attitude Organization and Change: An Analysis of Consistency Among Attitude Components. New Haven: Yale University Press, 1960.
- [30] Чжан Хуантин. Психология. Нанкин: Издательство Университета Хохай, 1988.
- [31] Чжоу Чжэньчао, Лэй Ся. Как возможно междоменное совместное правоприменение? Объяснительная рамка «познание-действие-результат». Теория и реформа, 2024(4): 101-116.
- [32] Marx K., Engels F. Selected Works of Marx and Engels, Vol. 1. Beijing: People's Publishing House, 2012.
- [33] Чай Яньвэй, Та На, Чжан Янь. Переосмысление географии времени через теорию жизненного курса и долгосрочное пространственное поведение. Гуманитарная география, 2013, 28(2): 1-6.
- [34] Су Линлин, Чжоу Сухун. Влияние среды района на благополучие при жилищной мобильности: различия по стадиям жизненного курса. Прогресс в географии, 2021, 40(8): 1344-1354.
- [35] Тан Чжэн. Город индикаторов: городские диаграммы как критика и проекция. Новая архитектура, 2018(1): 138-143.
- [36] Ши Нань, Вэй Хан. Семантическая эволюция и современная миссия городского планирования. Форум городского планирования, 2024(5): 18-28.
- [37] Закон КНР о национальном планировании развития. (2026-03-13) [2026-06-24]. https://www.spp.gov.cn/spp/fl/202603/t20260313_723913.shtml.
- [38] Лю Вэньхуа. От «Старых историй южного Пекина» к «Складному Пекину»: долгосрочное влияние городского планирования на пространственную структуру. Китайский экономический кварталник, 2025, 25(3): 581-596.
- [39] Сунь Биньдун, Фу Юй, Гу Хунхуань. Теория жизненного цикла города: прошлое, настоящее и будущее. Прогресс в географии, 2023, 42(9): 1841-1852.
- [40] Чжан Цзинсян, Чэнь Хао. Пространственное управление: политическая экономия трансформации городского и сельского планирования в Китае. Обзор городского планирования, 2014, 38(11): 9-15.
- [41] Чжоу Цзыхан, Чжан Цзинсян, Ван Цзыи. Реконструкция системы общественного участия в территориально-пространственном планировании: вывод и анализ на основе теории коммуникативного действия. Обзор городского планирования, 2021, 45(5): 83-91.

- [42] Гу Вэй, У Цыфан, Сюй Чжунго и др. Планировочное запаздывание и планировочный парадокс: новый взгляд на территориально-пространственное планирование. Журнал природных ресурсов, 2024, 39(12): 2881-2896.
- [43] Шуй Хаожань, Мяо Чуньшэн, Цзоу Бин и др. Возврат прироста обществу: анализ и оценка системы городского обновления и передаваемых земель в Шэньчжэне. Форум городского планирования, 2025(3): 52-61.
- [44] Чэнь Лу, Чжоу Цзяньюнь, Пан Сяомэй и др. Размышления о стандартах классификации землепользования и практике зонирования с лингвистической перспективы: о переходе детального территориально-пространственного планирования к правилам. Планировщики, 2023, 39(10): 74-82.
- [45] Ван Ичжэ, Чэнь Цюи, Ху Пань и др. Оптимизация системы передачи муниципального и уездного территориально-пространственного планирования с позиции переноса информационных единиц: случай планирования города С. Исследования городского развития, 2024, 31(9): 39-48.
- [46] Чжан Бин, Мэнь Сяоин, Е Бин и др. «Реализация Центрального совещания по городской работе: исследования новой планировочной практики»: академический симпозиум. Форум городского планирования, 2025(5): 1-13.
- [47] Ли Цин, Линь Ни. Исследование новой модели совместного планирования и проектирования для микрообновления сообществ с перспективы народного города: случай микрообновления лилуна YF в Шанхае. Форум городского планирования, 2023(6): 87-96.
- [48] Ван Синпин. Городское и сельское планирование для социального развития: направление трансформации планирования. Обзор городского планирования, 2015, 39(1): 16-21.
- [49] Ян Бин, Ли Нань, Ван Лян и др. Координация планов действий и оценки городского обследования с перспективы замкнутого цикла реализации планирования: случай центральной функциональной зоны столицы Пекина. Форум городского планирования, 2024(6): 62-69.

Перевод выполнен при содействии ИИ